

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЗАКОН

Зинаида Гиппиус

Закон

«Public Domain»

1906

Гиппиус З. Н.

Закон / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1906

«По неровной дороге, мимо сжатых полей, шли два студента и вяло разговаривали. Один был повыше и поплотнее, в короткой серой тужурке, другой – маленький, немного кривобокий, чернокожий и в пальто...»

© Гиппиус З. Н., 1906

© Public Domain, 1906

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Зинаида Гиппиус

Закон

I

По неровной дороге, мимо сжатых полей, шли два студента и вяло разговаривали. Один был повыше и поплотнее, в короткой серой тужурке, другой – маленький, немного кривобокий, чернокожий и в пальто.

Черненко звали Лебедев. Он приехал на дачу в гости к товарищу Зернову, на два дня. Была только половина августа, но погода стояла серая, осенняя. Семья дальних родственников, с которыми Иван Иванович Зернов прожил лето, уже съехала, потому что детям надо было в гимназию. Младший брат, Митя, реалист третьего класса, которого Иван Иванович сам воспитывал после смерти отца, тоже уехал к началу занятий, – он шел первым.

– Не тоскливо тебе одному-то на даче? – спрашивал Лебедев. – Сырость, вечера темные. В меланхолию впадешь.

– Не впаду. Тетя мне Натальюшку оставила. Я люблю осень в деревне. А в Петербурге что теперь делать? Здесь и работается лучше.

– Тебе бы отдохнуть надо. Зимой с этими лекциями, уроками – совсем заработался. До сих пор какой-то кислый, скучный. Из-за этого Мити ты когда-нибудь заболеешь. Я бы не вынес.

Иван Иванович усмехнулся.

– Что ж, бросить мне его, что ли? В сапожники отдать? А что ты бы не вынес – верю. Ты и так все на здоровье жалуешься. Пойдем-ка пошибче – холодно. И не ной, сделай милость, надо мной. Я отлично себя чувствую – это раз, и на даче прекрасно – два. Хочешь общества – на селе сколько угодно, Федорова семья, например. Я часто бываю. И пре-весело.

Лебедев пожал плечами.

– Может быть. А мне кажется, что здесь, под Петербургом, народ не интересен. Да и народ ли? Здесь фабрики, здесь дачники, здесь, если хочешь, прислуга, – а народа нет.

– Да я вовсе и не для изучения народа хожу на село, – сказал Иван Иванович. – Мне просто веселее. С Федором я очень люблю говорить. Хочешь, зайдем к ним?

– Зайдем, пожалуй, – сказал Лебедев. – Отогреемся. Иван Иванович повернул назад, снял на минуту фуражку и провел рукой по белокурым, щеточкой остриженным волосам. Лицо его, несмотря на двадцать два года, было еще немного детское, полное, белое, довольно приятное. Обыкновенно оно имело спокойное, доброе, даже веселое выражение. Но Лебедев знал, что товарищ любит спорить и что тогда лицо его делается престранным: не то свирепым, не то испуганным и свирепым вместе. Товарищи студенты это выражение лица у Зернова даже любили, он тогда делался интересным, не останавливался ни перед какими парадоксами и вообще был очень смел в словах.

– Наше село большое, – сказал Иван Иванович. – Видишь, какая куча домов над озером. Улица предлинная. Церковь около парка, на горе. Парк-то дрянной, хоть и княжеский. И дом развалился. Какому князю нужда сюда ехать. Леса повыврубили. Фабрика недалеко. Было имение, стало село.

Тихий, мокрый ветер ровно дул с полей. На горизонте, направо, виднелось мелколесье, кругом одни поля, далеко, повсюду сероватая земля под серым небом. И земля такая плоская и голая, что, кроме села, были видны, как на ладони, и другие дальние деревни, поменьше, – серое пятно темнее земли и неба. Чернелись узкие дороги.

– В вашем селе небось в каждой избе дачники? – спросил Лебедев.

– Съехало теперь много. Пойдем, что стоять.

II

Мимо старой, сумрачной, желтеющей березы у колодца студенты прошли в село. Тянулась улица, пустынная, черная от грязи. Около изб кое-где были положены мостки, угрузающие в гущу. Коровьи и лошадиные следы оставили на этой гуще глубокие, круглые дыры, наполненные темной водой. Серые, старые избы чередовались с домиками поновее, желтенькими «дачками», небольшими и какими-то несерьезными. Особенно несерьезно смотрел кукольный балкончик наверху, мезонин, в котором, конечно, трудно было бы поместиться человеку.

Дальше в улицу этих домиков было мало, серые избы, с огородами позади, теснились в ряд.

Закутанная спозаранку баба молчаливо посмотрела на проходящих и пошла в калитку, пихнув ногой тихую собаку. Мальчик в грязной розовой рубашке, вздувавшейся пузырем, ходил по грязи на высоких ходулях. Его маленькие корявые ноги цепко охватывали деревянные перекладки, а конец каждой ходули, выходя из грязи, громко чмокал и оставлял узкую дыру, которая тотчас же наполнялась водой.

– Здравствуй, Лелька, – сказал Зернов. – Что, дома есть кто?

– Это Тимошки Василь Трофимовича ходули, – прокричал Лелька в упоении. – Дал походить!

Зернов улыбнулся, хмурясь.

– Тебе только баловаться. Дома-то у вас кто?

– Степанка на фабрике. Кто дома? Батя дома.

– Свались, свались. Вот я тебе задам!

– А ты нешто учитель? Тебя мы не боимся! – прокричал Лелька уже издали, долговязо шагая на своих палках.

– Учителя боятся? – спросил Лебедев.

– Страх как боятся. Только скажи ребятишкам: учитель идет – все рассыпятся. Здесь школы нет – на фабрике. Входи, вот Федорова изба.

Минув темные сени, где Лебедев ударился о две притолоки, Иван Иванович отворил дверь. Волна теплой, почти горячей затхлости встретила их. Пахло свежим хлебом, холстом, лампадкой и мытыми полами. Крошечные окошки не выпускали тепла, а печь верно была топлена недавно.

Дощатая перегородка разделяла избу на две половины, обе светлые. В первой, побольше, на лавке, у стола, накрытого скатертью, сидел нестарый мужик в красной рубахе. Темные, плоские волосы его были гладко-прегладко расчесаны на прямой ряд.

Больше никого в избе не было.

– Здравствуй, Федор, – сказал Иван Иванович. – Что, один сидишь?

Федор улыбнулся.

– Здравствуй, барин милый. Милости просим. Разбрелись мои все. Хозяйка за соломой пошла. Татьяна, никак, корову доит, Нюшку посекала да и уложила. Спит там на кровати, да вот я сижу. Двое нас и есть. А это кто же с тобой? Товарищ, что ли?

Федор говорил охотно. Голос у него был тихий, говор немного тягучий, может быть, излишне ласковый, как у больных, всегда нуждающихся в посторонней помощи. От темной бороды, недлинной, лицо его казалось еще страшнее, точно вылепленное из желтого воска. С обеих сторон лица висели гладкие пряди волос. По щекам, когда он улыбался, собирались длинные, крупные складки. Глаза, карие и живые, смотрели почти весело, без приниженности. Он обдернул рубаху и сказал опять:

– Милости просим садиться. Хозяйка придет – самоварчик поставит. Чайку с нами выкушайте.

Студенты сели. Лебедев спросил:

– Ты, видно, болен?

– А то как же! – произнес Федор даже с некоторым удовольствием. – Пятый год сижу.

Высохли ноженьки.

Под лавкой, как две плети, висели ноги Федора, обутые в широкие валенки.

– Его на руках носят с лавки на кровать, да с кровати на лавку, – заметил Иван Иванович.

– А лечился? – спросил опять Лебедев.

– Много я лечился. Фельдшер наш намучился со мной. А то из Питера доктор, важный такой, в прошлом году приезжал. Показывался ему. Ревматизм, говорит, что ли. И если, говорит, твою болезнь начать как следует лечить, так, говорит, ни избы, ни коровы, ни всего твоего достояния не хватит, а еще будет ли толк – неизвестно. Простудился я очень.

– И так и сидишь? – удивился Лебедев.

– Так и сижу. Да я ничего, я слава Богу. Мы вот с моим барином милым часто толкуем. Оно, конечно, для семьи тяга, одни бабы, старший-то сынишка на фабрике, еще какой он по дому работник! Ну, а для души хорошо. Греха меньше.

– С кем тебе и грешить, ты все один, – сказал Иван Иванович.

– Работу работают, – произнес Федор и в первый раз вздохнул.

Они помолчали. Из-за перегородки слышалось дыханье спящего ребенка.

– Теперь бьются, чтоб земли не отняли, – продолжал Федор тихо, – земля за нами считается, а мужика нету. Всякий раз принанять надо. Парнишко-то вырастет – справимся. А коли землю отнимут, тогда плохо. Степанка много ль на фабрике выработает, а вот Татьяна нынче с почтой ладно устроилась.

– Она письма со станции носит, – пояснил Иван Иванович Лебедеву. – Старшая дочь Федора, Таня.

– Я ее видал; это она нынче утром с Натальюшкой на крыльце говорила? Статная такая. Неужели она каждый день за десять-то верст пешком?

– Каждый день, – сказал Федор весело. – Поп каждый день газету получает. Лавочник Василий Трофимович два рубля, поп два рубля, летом дачники это, ну и ладно выходит. Зимой доходу поменьше, да и темно. Пурга иной раз. Много на ее место просилось, однако поп, дай ему Бог здоровья, на Танюшку сразу показал. У нас мужика в доме нету.

Дверь отворилась. Вошла сухонькая, вертлявая баба в сапогах, в подоткнутом со всех сторон платье, обвязанная серой шалью.

– Батюшки, гости у нас дорогие, а я-то и не знала! – затараторила она. – Что же Танька самовар не поставила? Наш-то барин частенько к нам жалуется, а этого-то черноватенького я и не видала...

– Раскутывайся-ка, молодуха, шутливо сказал Федор. – И взаправду пора чай пить.

Баба казалась очень старой, с коричневым лицом, с редкими волосами. Но они с Федором были ровесники, ей и ему под сорок.

Пришла Татьяна, стройная девушка, худощавая, одетая по-городски, развязная и веселая. Продолговатое лицо ее, нежное, очень загорело. Маленький, красивый рот и карие глаза, совсем как у отца. Что-то в ней было решительное и беспечное.

Она и вошла решительно, без смущения поздоровалась, вынула чайную посуду, в минуту раздула самовар, потом заглянула за перегородку.

– Что, проснулась? – сказала она громко. – Иди-ка, иди к батю.

Она, верно, сняла ребенка с постели. Зашлепали босые ноги, и в избу вошла девочка лет пяти. Она только недавно стала ходить и ходила нетвердо, переваливаясь и ковыляя.

– Здравствуй, Нюша, – сказал Зернов.

– Здравствуйте, – произнесла Нюша без застенчивости и очень небрежно.

– Тебя секли сегодня?

– Когда это? – фыркнула Нюша. – Мы сегодня в Питимбург ездили.

Нюша отроду не бывала в Петербурге, но была очень самостоятельна, находчива и врала на каждом шагу. Смелость ее была беспредельна, она даже учителя не боялась. Она стояла посреди избы; до смешного маленькая, вся широкая, четырехугольная, в длинном, затрепанном платье, грязная, с лягушачьим лукавым лицом. У нее был громадный рот, нос пуговкой и длинные черные ресницы.

– Что это, Господи милостивый, сколько народу в избу набилось! – сказала Нюша презрительно, очевидно намекая на гостей.

Федор поманил ее.

– Иди-ка, Нюша, сюда. Иди, милая. Не то тебя Таня опять посетит.

– Ан дудки! – решила Нюша. – Ее вечор маменька саму как в ухо двинет!

Таня вдруг сердито покраснела.

– Дождешься ты, Анютка, у меня. Дай срок.

– А ты с парнями не сиди! Не сиди! – поддразнила Нюша и, спеша и ковыляя, направилась к Федору.

Таня еще больше покраснела, нахмурилась и вышла из избы. Зернов тоже немного покраснел, но ничего не сказал.

Болтливая Петровна, жена Федора, говорила теперь за всех. Разливая чай, она успела пожаловаться и на Федорову болезнь, и на то, как им теперь с землей трудно, на Нюшу, и на Таню, которая, слов нет, девка работающая, а только стала такая халда, что ее бей – не бей, все одно.

– Да и как ее бить? Выше меня выросла. Отец был бы здоров, он бы ее поучил.

– Ну, чего, – прервал ее Федор недовольно. – Чего на Таньку взъелась? Танькой держимся. А девка молодая. Ей бы замуж, – да нельзя, пропадем без нее. Ну, и не тронь девку.

Все молчали. Нюша возилась на лавке. Федор степенно пил чай с блюдечка, дуя перед каждым глотком. Потом Лебедев заговорил с Федором опять о его болезни, о фабрике, о больничном фельдшере. Таня вернулась, налила себе чашку и молча села у окна.

Пора было уходить.

Лебедеву, видимо, Федор понравился или удивлял его. Федор тоже улыбался.

– Прощай, барин. Счастливо тебе. Завтра уезжаешь-то? Коль не уедешь – заходи еще.

И, обращаясь к Зернову, прибавил:

– Славный барин. Ясный такой. Утешил меня.

– Ясный? – удивился Зернов. – Слышишь, Лебедев, Федор тебя ясным называет. А я что же, не ясный?

– Ты? Нет, ты милый барин, и часто мы разговариваем, и полюбил я тебя душевно, а только ясности в тебе той нет. Ты сам не знаешь, о чем сейчас подумаешь, а он знает.

Зернов рассмеялся, а Лебедев почему-то обиделся и вышел из избы точно ущемленный. Таня вышла с ними и осталась на пороге, провожая их глазами и улыбаясь. Зернов, дойдя до поворота, обернулся, посмотрел пристально и, тоже улыбнувшись, снял фуражку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.